

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 193–198. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 193–198. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(450).09”20”

EDN FAXDPZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-193-198>

ПРОБЛЕМА ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНАХ Г. ГЕРМАНДИ «ЦАРИЦА ЦВЕТОВ И ЖЕМЧУЖИН» И В. ЛОНГИ «ЦВЕТ ИМЕНИ»

Николаева Юлия Игоревна, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
julianika80@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема постколониальной идентичности в современных итальянских романах, принадлежащих перу авторов смешанного итало-африканского происхождения, рассказывающих об опыте колонизации на подконтрольных Италии территориях в Африке. За кратким обзором особенностей итальянской постколониальной литературы следует анализ некоторых важных тем и художественных методов романов Г. Германди «Царица цветов и жемчужин» и В. Лонги «Цвет имени». Отмечаются общие приемы в изображении персонажей и освещении темы колонизации. В результате удастся проследить последовательный процесс осознания собственной идентичности жителями колоний, обретшими голос в художественной литературе.

Ключевые слова: афро-итальянская литература, постколониальная литература, колониализм, колонизация, подчиненный субъект, контрнарратив, память, идентичность

Для цитирования: Николаева Ю.И. Проблема постколониальной идентичности в романах Г. Германди «Царица цветов и жемчужин» и В. Лонги «Цвет имени» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 193–198. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-193-198>

Research Article

THE PROBLEM OF POSTCOLONIAL IDENTITY IN NOVELS “QUEEN OF FLOWERS AND PEARLS” BY GABRIELLA GHERMANDI AND “THE COLOR OF MY NAME” BY VITTORIO LONGHI

Iuliia I. Nikolaeva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian, julianika80@gmail.com

Abstract. The article considers the problem of postcolonial identity in contemporary Italian novels written by authors of mixed Afro-Italian origin that speak about colonisation in territories under Italy’s control. After a short overview of specific features of Italian postcolonial literature comes the analysis of some important topics and artistic methods in the following novels: “Queen Of Flowers and Pearls” by Gabriella Ghermandi and “The Colour of my Name” by Vittorio Longhi. Common techniques in depiction of characters and presentation of the theme of colonisation are revealed. As a result, it is possible to trace a gradual process of realisation of one’s own identity by residents of colonies that find their voice in fiction.

Keywords: Afro-Italian literature, postcolonial literature, colonialism, colonization, subaltern, counternarrative, memory, identity.

For citation: Nikolaeva I.I. The problem of postcolonial identity in novels “Queen Of Flowers And Pearls” by Gabriella Ghermandi and “The color of my name” by Vittorio Longhi. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 193–198 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-193-198>

Современная литература Италии ярко отражает социально-культурные изменения, имеющие глобальный характер. Осмысление колониального опыта и поиск идентичности в мультикультурном мире становятся главными задачами для ряда авторов афро-итальянского происхождения, призвание которых свидетельствует об актуальности задаваемых ими вопросов. Несмотря на драматизм взаимоотношений Италии и ее африканских колоний, эта тема долгое время оставалась вне поля зрения гуманитарных наук и лишь относительно недавно стала важной частью междисциплинарного дискурса. Требуемые осмысления явления постепенно находят свое отражение в художественной литературе.

Начиная с 80-х годов прошлого века все больше авторов обращаются к теме колониальной истории. Во многом эти произведения революционны. Освещение жизни колоний, анализ взаимопроникновения итальянской и африканской культур неминуемо меняют традиционное представление о колонии как о подчиненном, немом мире. Италия методично создавала образ африканских колоний на протяжении полувека: с начала освоения Восточной Африки до поражения в итало-эфиопской войне и окончательного ухода с континента.

Став в 1861 г. единым королевством, итальянское государство убедительно заявило о своем интересе к освоению земель в Африке и, оставаясь одним из немногих европейских государств без колоний, решило закрепиться в Восточной Африке. В период с 1890 г. по 1943 г. Италия имела колонии на территории Эритреи, Сомали, части Ливии, Эфиопии, Додеканесских островах и в Албании. Официальное отречение от роли колониальной империи Италия совершила лишь в 1947 г. в рамках Парижского Договора [Нестерова: 66]. Колонизация Эритреи и Эфиопии происходила в разное время, но имела общие черты. В обеих странах этот процесс ознаменовался трагическими примерами антигуманного поведения итальянцев, нарушением норм ведения военных действий со стороны Италии и многочисленными проявлениями насилия над местным населением.

Итальянская постколониальная литература отражает исторический, культурный и социальный контекст взаимоотношений Италии и ее колоний, способствуя разоблачению колониальных мифов и обогащая современную культуру Италии, проповедующую открытость к диалогу. Следует отдать должное смелости авторов, пишущих об истории оккупации и колонизации: их тексты раскрывают позорные эпизоды итальянской истории, которые до сих пор недостаточно изучены и не переосмыслены.

Как пишет Сандра Понцанези в главе «Постколониальный поворот в итальянистике» сборника «Постколониальная Италия» [Lombardi-Diop, Romeo: 52],

нужно учитывать, что колониальное прошлое Италии очень долго замалчивалось. В работе «Фрагменты» этот акт отрицания Понцанези именуется «колониальным бессознательным», которое выражается в отторжении, дискредитации и отказе от анализа истории колониальной экспансии. Отсутствие борьбы за независимость и незавершенность процессов, которое Бертон [Burton: 52] называет «незавершенным предприятием» («unfinished business») между Италией и африканскими колониями, фактически предало забвению итальянский колониальный опыт, оставив «не надежное» наследие в виде ностальгических воспоминаний, характерных своей предвзятостью.

Проиграв войну и вместе с этим потеряв колонию, Италия закрыла эту тему в собственной истории, не искупив своей вины поражением. «У нас не было войн подобно алжирской или ангольской, и мы почитали, что нашему обществу не нужно переосмысление и глубокий анализ нашего колониального прошлого», – комментирует Комбериасти [Comberiat: 1].

Анализ произведений, указанных в теме статьи, невозможен без упоминания одного из ключевых текстов итальянской литературы XX в. об Африке – романе Э. Флайано «Время убивать». В литературной критике он часто упоминается как последний колониальный роман итальянской литературы, в 1947 г. он был удостоен литературной премии «Стрега». Роман повествует об одиноком путешествии итальянского офицера по Эфиопии во время итало-эфиопской войны. Внутренний монолог героя, совершившего убийство, безжизненные пейзажи, боль и болезнь, отчаянный поиск исцеления и страстное желание вернуться в Италию – всё это создает довольно мрачный образ итальянской Африки как «вместилища мерзостей» [Flaiano: 177].

Колониальная история Италии сопряжена с искажением исторической правды и десятилетиями забвения, что не могло не сказаться на исследовательской стороне вопроса: долгое время итальянская колонизация оставалась сферой интересов узких специалистов. Однако уже в тексте Э. Флайано, несмотря на его давность и близость к колониальной традиции, сама колониальная кампания и связанные с ней преступления критикуются и осуждаются. Это особенно важно отметить, учитывая многолетнюю пропаганду колониальной экспансии, организованную фашистским режимом, а также факт участия Э. Флайано в войне с Эфиопией. Груз вины за злодеяния режима берет на себя безымянный лейтенант, главный герой романа «Время убивать», но его преступления остаются безнаказанными. Одиночество, болезнь, вина – вот основные темы романа Э. Флайано, и его Африка условна и символична. Места, люди и события служат фоном внутреннего монолога итальянского офицера.

Роман Габриэллы Германди «Царица цветов и жемчужин», вышедший в 2007 г., был высоко оценен итальянским литературным сообществом, он оказал существенное влияние на итальянский литературный канон XXI в., был переведен на английский язык и занял почетное место в ряду постколониальных произведений. Сама писательница родилась в 1965 г. в Аддис-Абебе и с 1975 г. живет в Болонье, родном городе отца. Ее мать родом из Эфиопии, отец – итальянец. «Для белых я не была белой, а для черных не была черной. Мы жили смешанной жизнью, говорили на четырех языках: ежедневно на амхарском и итальянском, по праздникам – на болонском диалекте и на тигринья», – вспоминает Габриэлла в интервью интернет-изданию «Вестник эмиграции» [Daniele Barbieri]. Говоря о своем первом романе, писательница признается: «Я не планировала писать роман о колонизации, об итальянской оккупации Эфиопии. Но спустя 70 лет после того, как моя мама уехала из своей деревни в Эфиопии, она попросила поехать с ней домой. Когда я привезла ее в родные края, и она вновь ощутила себя на родине, только тогда в нашем доме стало возможным говорить об итальянской оккупации. Мама испытала на себе расовые законы. Она выросла в интернате, где ей было запрещено говорить на родном языке. Она многое пережила и долгое время не могла осмыслить, переработать свое прошлое – прежде всего эмоционально. Но как только она нашла в себе силы это сделать, я поняла, что и я тоже могу проанализировать эту историю и написать об этом».

Текст Г. Германди выступает как контрнарратив к роману Флайано. Именно так он определяется в ряде критических работ. Следует уточнить, что контрнарратив или контрповествование понимается, помимо прочего, как возможность дать слово исключенным меньшинствам, которые не имеют голоса. В сборнике «Подчиненные субъекты Италии: историко-литературные исследования» Г. Пролио высказывается о том, что контрнарратив Германди знаменует собой не только разрыв с формами гегемонического дискурса, но становится символом появления в Италии сюжетов и героев, до сих пор из него исключенных и не имеющих самостоятельной идентичности [Deplano, Mari, Proglino: 86].

Роман имеет рамочную композицию и рассказывает о взрослении девушки Махлет в Эфиопии. Время действия охватывает несколько десятилетий: от великой империи до военной диктатуры конца XX в. Помимо возможности рассказать свою личную историю Махлет удостоивается чести стать «рассказчицей» и пересказывает воспоминания родственников, друзей семьи и просто соотечественников, которые доверяют ей свои тайны. Многие из этих историй связаны с военным прошлым этих персонажей.

В статье «Время врачевать» Мария Анджела Рокки отмечает, что роман Германди является истинным примером сопротивления забвению, которое связано не столько с естественным ходом времени, сколько с преступным пренебрежением к прошлому и четким выбором культурных парадигм итальянского общества [Rocchi: 136].

В своем тексте писательнице удивительным образом удается не только дать услышать хор эфиопских голосов, рассказывающих свои истории, но и создать правдоподобный и очень привлекательный образ страны, где она родилась. Африка Г. Германди сияет яркими красками, манит ароматами и вкусами. В одном из эпизодов автор рисует колоритную картину рынка, где от аромата тысячи видов специй перехватывает дыхание. Нельзя не заметить многочисленные описания еды, которые сопровождают различные сцены на протяжении всего романа. Названия блюд написаны на амхарском, и это еще одна отличительная черта стиля Г. Германди. Амхарский язык «слышен» в повседневных сценах как приветствие или благословение, знак восхищения или негодования. На нем произносятся молитвы, обращения к старшим, выражается радость и скорбь. Автор как бы приоткрывает дверь в новый незнакомый мир другой великой культуры, которая у Э. Флайано упорно молчит.

Уже в первой истории старца Якоба упоминается «азмари». В эфиопской культуре это странствующие поэты-певцы, сочиняющие и исполняющие песни на различные темы. Это могут быть хвалебные гимны или рассказы о великих событиях и героях прошлого. В композиции романа Г. Германди песня Арона, пожилого азмари, воевавшего в отряде сопротивления со старцем Якобом, служит напоминанием об обещании Махлет, которое она дала любимому деду. Арон вспоминает всех героев, о которых Махлет должна рассказать «на земле Петра и Павла», в Италии.

«Mi raccomando, figlia,
non perdere la storia.
Portala nella terra ultima
dei Santi Pietro e Paolo».

[Ghermandi: 289]

«Прошу тебя, дочка,
не потеряй историю.
Принеси ее туда, где упокоились
Святые Петр и Павел»

Текст песни написан на итальянском. Так автор знакомит своих читателей с богатством и своеобразием родной культуры.

Благодаря героине Германди перед читателем открывается богатый и сложный мир Эфиопии. Махлет растет в большой семье, где несколько поколений живут под одной крышей.

«Ero l'unica femmina di mia madre, ma una delle tante della casa. Era una casa etiope la nostra, con una famiglia molto allargata. Sotto lo stesso tetto vivevamo in diciotto: i tre anziani, i miei genitori, mio zio Mesfin, fratello di mio padre, con sua moglie Saba e i loro figli Tomas e Tesemma, mia zia Abeba, sorella di mia madre, zitella, mia zia Fanus, sorella di mia madre, vedova e madre di Alemitu e Mulu, le cugine con cui dividevo la stanza da letto» [Ghermandi: 73].

«У мамы я была единственной дочерью, но одной из многих девочек в нашем доме. Это был эфиопский дом, в котором жила большая семья. Под одной крышей нас было восемнадцать: три старика, мои родители, мой дядя Месфин, брат моего отца со своей женой Сабой и их дети – Томас и Теземма; моя тета Абеба, сестра моей матери, старая дева; еще одна моя тета Фанус, сестра матери, вдова и мать Алемиту и Мулу, моих двоюродных сестер, с которыми я жила в одной комнате».

Неудивительно, что переезд в Болонью стал серьезной травмой для Махлет. Она признается, что ей пришлось смириться с двумя болезнями Запада – одиночеством и индивидуализмом, которые, словно одеяние, покрывающее каждого человека, отделяют людей друг от друга.

«E già dai primi anni della mia vita universitaria bolognese, dove a differenza di Perugia c'erano pochi stranieri, mi dovetti rassegnare a subire le malattie dell'Occidente: solitudine e individualismo. Non c'era modo di evitarle. Sebbene io non le avessi contratte, ogni cosa attorno a me ne era impregnata. Un manto spesso avvolgeva ogni singola persona, tenendo tutti ben separati gli uni dagli altri. Un manto che non cadeva neppure quando si stava in comitiva» [Ghermandi: 138].

«Уже с первых лет учебы в болонском университете, где в отличие от Перуджи иностранцев было мало, мне пришлось столкнуться с болезнями Запада – одиночеством и индивидуализмом. Невозможно было их избежать. Хотя я и не заразилась, все вокруг как будто было ими пропитано. Плотное одеяние покрывало каждого человека так, чтобы люди были отделены друг от друга. И даже в компании друзей это одеяние не спадало».

Близость и совместность описаны также в сценах религиозных праздников. Рассказывая истории из жизни разных людей, Германди, говоря ее же словами, отправляет «важное послание» о колониальном прошлом. Но не только. Автор рассказывает об Эфиопии как о стране с древними христианскими традициями:

«Seguendo l'entusiasmo generale, mi misi a ballare, sollevando le mani verso il cielo e poi giù, accovacciandomi ancheggiando, e di nuovo su, con le mani che si muovevano a onda, distanti dal corpo, vibranti nell'aria, e poi vicino, verso il petto, mani cullanti, e dalla mia bocca il canto: «Nel Giordano, Gesù è stato battezzato nel Giordano». Di colpo guardai Alemitu e Mulu, e poi gli altri, e anche gli anziani. Anche loro ballavano. Tutta Janhoy Medà ballava. Eravamo un unico corpo avvolto in una danza catartica» [Ghermandi G.: 121].

«Следуя всеобщему воодушевлению, я пустилась танцевать, поднимая руки к небу и опуская их, садясь на корточки, продвигаясь вперед, раскачивая бедрами, потом вставая и воздевая руки, которые, словно волны, качались в воздухе, потом опускались к груди, складываясь в колыбель, и я пела: «В Иордане, Иисус был крещен в Иордане». Я резко повернулась посмотреть на Алемиту и Мулу, на остальных и на стариков. Они тоже танцевали. Весь Джанхой-Меда двигался в танце. Мы были единым телом, исполняющим танец очищения».

Старец Якоб благословляет Махлет на учебу в Италии, которая для него, прежде всего, земля апостолов Петра и Павла:

«Abba, mi piacerebbe andare in Italia a studiare economia», dissi tutto d'un fiato. I suoi occhi si accesero, contro ogni mia previsione. «Vuoi andare nella terra dove sono morti Pietro e Paolo!» [Ghermandi: 134].

«Дедушка, мне бы хотелось поехать в Италию изучать экономику», – выпалила я на одном дыхании. Его глаза просияли, чего я совсем не ожидала. «Хочешь поехать туда, где упокоились Петр и Павел!»

Укорененность в христианстве проявляется в еще одной важной черте эфиопов – в принятии ближнего. Историю о своей юности бывший партизан по имени Аббаба Игирса Сало заканчивает просьбой к Махлет постараться не обидеть никого, когда она будет записывать его рассказ:

«Figliola, se mai tu dovessi usare la mia storia, sistema le parole in modo da non recare offesa a chicchessia. Sai, parlare di qualcuno equivale a renderlo ospite. Ospite delle proprie parole. E da noi l'ospite è sacro» [Ghermandi: 179].

«Дочка, если ты когда-нибудь будешь рассказывать мою историю, подбери слова так, чтобы никого не обидеть. Знаешь, говорить о ком-либо то же самое, что приглашать человека в гости. В гости к собственным словам. А у нас гость – это святое».

Гость священен, даже если герои рассказов – бывшие враги.

Оставаясь носителем «другой» культуры и языка (в частности, амхарского), Германди является полноценной частью итальянской культуры. Как и другие авторы итало-африканского происхождения, Германди получила высшее образование в Италии. Всё это, говоря словами одного из идеологов западного постколониализма Г. Спивак, превращает её в идеального «местного информанта», способного рассказать об опыте «чужого» языком «местного» [Spivak: 9]. Германди поднимает темы смешанного происхождения, идентичности и языка, фокусируя внимание на проблемах сопротивления, нахождения между двумя культурами, обретения голоса бывших колоний.

Первый и пока единственный роман Германди справедливо заслужил признание итальянского общества, открыв обширную дискуссию о колони-

альном прошлом и его последствиях и заставив пересмотреть стереотипы в отношении роли Италии в истории Эфиопии.

Автор романа «Цвет имени» Витторио Лонги – итальянский журналист, родившийся и сформировавшийся в Италии. В тексте Лонги пытается восстановить связь с родиной своей прабабушки. Его прадед, итальянский офицер из Турина, был отправлен на военную службу в Эритрею, где некоторое время сожительствовал с местной девушкой, как это нередко случалось на завоеванных территориях. В результате этого союза родились два сына: дед автора и его брат.

Роман построен как движение из Италии в Африку, возвращение в Эритрею. Но теперь фоном служит не только Италия, но весь Ближний Восток, Западная Европа и Северная Африка. Таким образом, автор недвусмысленно заявляет о глобальности проблем взаимоотношений Европы и бывших колоний. Смесь языков, стран и городов, людей разных национальностей и их историй, которые Лонги умело изобразил как опытный журналист, – еще одна попытка заявить о важности и универсальности этих проблем.

В интервью газете «Corriere della sera» автор отмечает: «Я, как журналист, привык писать о других, не о себе. Но именно усиление ксенофобии и расизма заставили меня это сделать. Не только для того, чтобы рассказать о мигрантах. Вспоминая жизнь моего прадеда, Джакомо Лонги, отца моего деда Витторио, в честь которого я был назван, я осознал, что это рассказ о многовековом взаимопроникновении между Африкой и Европой» [Cremonesi].

Рассказывая историю прадеда, деда и отца, Лонги пытается обрести собственную идентичность. Автор распутывает клубок семейной истории, как бы проживая вместе с читателем жизнь нескольких поколений, и приходит к осознанию важности этого знания и значимости своих итало-африканских корней.

«Crescevo da italiano bianco senza alcuna consapevolezza di un'altra origine, di un'appartenenza ulteriore, senza la minima idea dei legami con l'Africa, figuriamoci del colonialismo. Quei rapporti erano stati recisi con la stessa nettezza con cui era scomparso mio padre dalla nostra vita» [Longhi: 149].

«Я рос как белый итальянец, даже не задумываясь об ином происхождении или принадлежности к другой национальности, без малейшего представления о родственниках в Африке, и уж тем более о колониализме. Эти связи были отрезаны так же необратимо, как и исчезновение отца из нашей жизни».

Линия памяти в композиции романа представляет собой динамичный монолог потомка, восстанавливающего события прошлых лет. Подобно исповеди, это одновременно и повествование, и анализ, и откровение. К концу романа к автору приходит осознание, что он тоже имеет отношение к этой части мира.

«Ho capito. Ho capito. Tergiverso da mesi, è vero. Ho allontanato questa storia per evitare ogni coinvolgimento, per sfuggire a quei fantasmi. Hanno ragione Fauziya e Aida, mi riguarda l'Eritrea, mi riguarda l'Africa» [Longhi: 377].

«Я понял. Я понял. Я так долго ухажу от правды, это так. Я отдалял от себя эту историю, чтобы не дай бог не стать в нее вовлеченным, чтобы не встретиться с призраками. Фаузия и Аида правы: я имею отношение к Эритрее, я имею отношение к Африке».

Автор отправляется в Эритрею с целью найти отца. Но его миссия значительнее: это еще и попытка вернуть отобранное достоинство ушедших поколений итало-эритрейцев. Неожиданно на последних страницах романа мы слышим голос деда автора и его торжественную речь. В ней он призывает автора не забывать свое имя: это не только имя жестоких захватчиков, несущее стыд и позор. Это имя, которые хотели матери для своих детей. В нем – вся их любовь. Дед автора, Витторио, призывает нести это имя с гордостью: «Сделай это для нас: ведь мы жили».

«Non avere più dubbi su questo nome, non rinnegarlo.» È la voce di Vittorio. È lenta, profonda. Ha il tono grave delle ultime parole prima di un addio. «Il nome che porti non è inutile. Non è solamente quello dei padri, dei padri indegni. Non c'è solo la violenza degli invasori, solo quella vergogna. È il nome che hanno voluto le nostre madri e racconta la loro storia, contiene tutto il loro amore. Porta questo nome con orgoglio. Fallo per noi, perché siamo esistiti» [Longhi: 512].

«Не сомневайся в этом имени, не отрекайся от него». Это голос Витторио: медленный и глубокий. Его тон серьезен: это последние слова перед прощанием. «Имя, которое ты носишь, не бесполезно. Это не просто имя отцов, недостойных отцов. В нем не только жестокость захватчиков и позор. Это имя, которое хотели наши матери. Оно рассказывает их историю, несет в себе всю их любовь. Носи это имя с гордостью. Сделай это для нас. Ведь мы жили».

Во время своего путешествия по Эритрее Лонги самостоятельно приходит к важному выводу, который формулирует, как бы переключаясь с каноническим названием романа Э. Флайано «Время убивать»:

«Sono cose difficili da spiegare ora ma so che era arrivato il tempo di sapere, il tempo di capire» [Longhi: 498].

«Сейчас эти вещи трудно объяснить, но я знаю, что пришло время узнать, время понять».

Как и Германди, призывающая не забывать общую историю, Лонги говорит о том, что пришло время узнать и осмыслить прошлое.

В заключение следует сказать, что роман «Царица цветов и жемчужин» Германди, вышедший спустя шестьдесят лет после публикации романа «Время убивать», оказался, по признанию критиков, одним из важнейших текстов о колониальном прошлом Италии. Германди по крупицам собирает «цветы и жемчужины» историй своих соотечественников, на себе испытавших ужасы войны с Италией и ее послед-

ствия. При этом Эфиопия Германди – это еще и неопишимо богатый мир красок, ароматов, вкусов. Это поэзия, песни, молитвы и сказки. Мир, отвергнутый европоцентризмом, который обретает свой голос благодаря смелости автора и ее бережному отношению к прошлому.

Африка в романе «Цвет имени» совсем другая. Умышленно забытая отцом автора его историческая родина, Эритрея, – место столкновения рас и культур, где вопрос идентичности встает особенно остро. Судьбы потомков итало-эритрейцев, нелегальная миграция, собственная идентичность – вот темы, которые выносит автор на суд читателя в своем первом романе.

Оба автора используют разнообразные приемы для достижения правдоподобия и убедительности своих текстов. Прямая речь разновозрастных героев Германди органично вписывается в структуру романа, создавая как бы хор эфиопских голосов, доверивших свои истории юной рассказчице. Оригинальны некоторые детали: использование амхарского языка в обращениях, восклицаниях и при передаче местного колорита Эфиопии (блюда, одежда и др.).

Так Германди удается познакомить итальянского читателя с «чужой», не знакомой итальянцам культурой. Динамичный стиль Лонги характеризует его как опытного журналиста, умеющего подбирать слова, заострять внимание на актуальных проблемах, анализировать и делать выводы. Десятки страниц посвящены ознакомлению читателя с колониальной повесткой. Автор как бы берет на себя роль проводника, зная, насколько мало изучен и плохо освещен колониальный опыт Италии. Также в тексте много прямой речи героев, рассказывающих о своем опыте жизни в Африке. Это придает достоверности и объективности повествованию.

Вопросы, связанные с Африкой, выходят за рамки бывших итальянских колоний и заставляют задуматься о глобальных вопросах исторической правды, коллективной памяти, идентичности, справедливости и равенства, ответы на которые современный мир пока не в силах найти.

Тема постколониальной идентичности предлагает широкое поле для исследований в области итальянского литературоведения и является перспективным направлением современной итальянистики.

Список литературы

Нестерова Т.П. Борьба Италии за сохранение колониальной империи в 1943–1949 гг. // Научный диалог. 2013. № 1 (13): История. Социология. Экономика. С. 66–91.

Alessi S. Le protagoniste della letteratura italiana postcoloniale: quali eroine? *The Italianist*, 2019, 39:3, pp. 364–380, DOI 10.1080/02614340.2019.1681651.

Barbieri D. Intervista a Gabriella Ghermandi. *Corriere delle migrazioni*, 2013, 23 дек. URL: <http://www.corrieredellemigrazioni.it/2013/12/23/il-motore-della-narrazione-lemozione/> (дата обращения: 16.01.2022).

Benvenuti G. Da Flaiano a Ghermandi. *Riscritture postcoloniali*. Narrativa, 2012, 33/34, pp. 311–321.

Burton A.M. *Gender, Sexuality and Colonial Modernities*. London, 1999, Routledge, 246 p.

Comberinati D. *Certi Confini. Sulla letteratura italiana dell'immigrazione*. Morellini. Milano, 2010, pp. 151–178.

Comberinati D. *La letteratura postcoloniale italiana*. URL: https://www.su.se/polopoly_fs/1.309564.1480431676!/menu/standard/file/Comberinati.pdf (дата обращения: 16.01.2022).

Cremonesi L. Vittorio Longhi “Storia di mio nonno, troppo nero per gli italiani troppo bianco per gli africani”. *Corriere della sera*, 2021, 22 feb.

Deplano V., Mari L., Proglia G. Subalternità e silenzi tra storia e letteratura. *Modelli epistemologici e luoghi della contro-narrazione*. Aracne, 2014, p. 86.

Flaiano E. *Tempo di uccidere*. BUR Contemporanea, 2016, 604 p.

Ghermandi G. *Regina di fiori e di perle*. Donzelli Editore, 2007, 313 p.

Lombardi-Diop C., Romeo C. *Postcolonial Italy. Challenging National Homogeneity*, Palgrave Macmillan, 2012, p. 52.

Longhi V. *Il colore del nome*. Solferino, 2021, 514 p.

Rocchi M.A. *Tempo di sanare*. Modernità letteraria Pisa-Roma. Fabrizio Serra Editore, 2015, 8, pp. 129–139.

Spivak G.C. *A Critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present*. Cambridge, Massachusetts, London, England Harvard university press, 1999, 449 p.

References

Nesterova T.P. *Bor'ba Italii za sokhranenie kolonial'noi imperii v 1943–1949 gg.* [The struggle of Italy to preserve the colonial empire in 1943–1949]. *Nauchnyi dialog. Istorii. Sotsiologii. Ekonomika*. [Scientific dialogue. History. Sociology. Economy], 2013, № 1 (13), pp. 66–91. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.